Элизабет Вернер

Отзвуки родины

Элизабет Вернер

Отзвуки родины

«Public Domain»

1887

Вернер Э.

Отзвуки родины / Э. Вернер — «Public Domain», 1887

«Сверкая под золотистыми лучами солнца, темно-синее море забыло про мечтательную, дремотную тишь – оно бурлило и пенилось, вздымая белоснежные барашки. Неумолчный шум прибоя сливался с громкой песней ветра, гнувшего верхушки деревьев прибрежного леса. Нелегкий путь предстоял двум яхтам, спешившим на всех парусах к шлезвиг-голштинскому берегу – сильное волнение кидало их из стороны в сторону, а с севера дул резкий ветер; но на обоих судах рули находились, по-видимому, в надежных руках, потому что яхты твердо держались одного направления и устремились, наконец, к замку, широкая каменная терраса и высокая черепичная кровля которого выглядывали из расцвеченного по-осеннему парка…»

© Вернер Э., 1887
© Public Domain, 1887

Содержание

Глава I 5
Глава II 13
Глава III 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Элизабет Вернер
Отзвуки родины

Глава I

Сверкая под золотистыми лучами солнца, темно-синее море забыло про мечтательную, дремотную тишь – оно бурлило и пенилось, вздымая белоснежные барашки. Неумолчный шум прибоя сливался с громкой песней ветра, гнувшего верхушки деревьев прибрежного леса. Нелегкий путь предстоял двум яхтам, спешившим на всех парусах к шлезвиг-голштинскому берегу – сильное волнение кидало их из стороны в сторону, а с севера дул резкий ветер; но на обоих судах рули находились, по-видимому, в надежных руках, потому что яхты твердо держались одного направления и устремились, наконец, к замку, широкая каменная терраса и высокая черепичная кровля которого выглядывали из расцвеченного по-осеннему парка.

Это старое могучее здание еще сохранило следы бывшего укрепления, но без средневековых великолепия и романтизма. На серых от древности стенах не было никаких украшений, и они с таким упрямством смотрели на бушующее море, словно хотели крикнуть ему и его бурям: «Посмейте-ка только приблизиться к нам».

У одного из окон первого этажа стоял стройный красивый юноша лет пятнадцати и с напряженным вниманием смотрел на море. Теперь он отвернулся от окна и крикнул:

– Наконец-то яхты показались! Сейчас причалят.

Старый господин, к которому были обращены эти слова и который сидел за столом, заваленным книгами и тетрадями, выслушал это известие без особенного интереса, так как ответил недовольным тоном:

– Какой толк, Отто, будет от нашего урока латинского языка, если вы беспрестанно подбегаете к окну? Давайте же, наконец, начнем работать!

Но Отто не обратил ни малейшего внимания на приглашение.

– Они идут на всех парусах, волны перекатываются через палубу. Замечательная прогулка!

– Отчаянная прогулка! – возразил старик, качая головой. – Что за безумная мысль устраивать в такую погоду состязания на парусах, да еще с дамами! Но это как раз во вкусе господина фон Мансфельда, а капитан Гарет поддерживает его. Каждый день у них новая причуда. Но теперь вы увидели, что яхты прибыли благополучно; возвратимся же к нашим книгам.

– Противные книги! Из-за них я опять не смог сегодня ехать с ними, – ворчал Отто, но тем не менее сел на место.

Учитель пытался придать своим несколько педантичным, но бесконечно добродушным чертам лица строгость.

– Конечно, кататься на лодках, скакать по полям, охотиться – только этим и занята ваша голова, как будто ничему иному на свете и учиться не надо!

– Да, я вовсе не желаю быть ученым! Я стану солдатом, как и мой отец!

– А вы думаете, что для этого не надо учиться? Да такой мальчик, как вы, вообще не может еще серьезно определить свое призвание. В вашем возрасте еще десять раз меняют свои наклонности.

– В моем возрасте? – обиделся Отто. – Мне пятнадцать лет, а вы и все домашние обращаетесь со мной, как с ребенком. Но пусть только начнется война, я сразу же выброшу весь этот книжный хлам и пойду драться!

– Браво, юнкер Отто! – раздался голос за дверью. Она распахнулась, и на пороге показался мужчина лет тридцати, сильный и энергичный, в костюме, который носили богатые кре-

стьяне в окрестности. Однако, несмотря на это, он чувствовал себя в замке, похоже, своим, так как вошел, не ожидая приглашения, и протянул руку мальчику, который вскочил с радостным восклицанием:

– Арнульф! Наконец-то ты появился снова!

– Ну, да, когда является господин Арнульф Янсен, урок должен кончиться, – с добродушной насмешкой промолвил учитель. – Вовсе не надо делать моего воспитанника еще необузданнее, чем он есть. Мне и так стоит немалого труда удерживать его около книг.

– Охотно верю, – последовал сухой ответ. – Но буквоеда вам все же не удастся из него сделать.

– Вы очень учтивы! – в голосе старика чувствовалась обида.

– Я не думал ничего дурного, – ответил Янсен. – Я полагаю только, что бывают люди, созданные специально для книг, как например, вы, доктор Лоренц; но бывают и другие, созданные, чтобы бороться с жизнью и светом, а в случае необходимости, нанести им сильный удар. А наш юнкер – ну за десять шагов видно, для чего создан он.

– Чтобы нанести удар! – с торжеством воскликнул Отто. – Ах, как я хотел бы, чтобы это случилось уже теперь!

– Не начинайте только, пожалуйста, тотчас же! – Лоренц испуганно закрыл руками любимые книги.

Что касается Арнульфа Янсена, то он только кивнул неистовому Роланду головой, коротко заметив:

– Может быть, это начнется скорее, чем мы думаем. Я хотел поговорить с баронессой, ведь барышня тоже дома?

– Нора поехала кататься с Гельмутом и гостями, – доложил Отто, снова отошедший к окну, – но они уже, должно быть, высадились. Верно! Вот они идут. Теперь-то я, наконец, узнаю, чья яхта была первой в Штрандгольме.

С этими словами юноша ураганом вылетел из комнаты навстречу прибывшим. Молча подавив вздох, Лоренц покорно закрыл книгу, которую держал еще в руке, Янсен же сурово повторил:

– С Гельмутом! Ну, да, конечно, ведь новый хозяин майората теперь здесь.

– Да, уже больше недели, – подтвердил Лоренц. – Вы его уже видели?

– Нет, да не имею особого желания!

– Вы не правы. Барон Гельмут – весьма симпатичный господин.

– И к тому же датчанин! Он не делает из этого тайны, и в мансфельдских поместьях чувствуется уже новый режим!

Лицо воспитателя внезапно приняло серьезное и озабоченное выражение, и он, пожав плечами, произнес:

– Но чего же еще следовало ждать от барона при том воспитании, которое он получил? Он ведь был еще ребенком, когда его мать второй раз вышла замуж и отдала свою руку барону Оденсборгу. Нельзя же было лишить ее единственного сына, а отчим воспитал его по-своему. Его систематически держали вдали от родины и семьи; в этом его несчастье, но не вина.

– Но его вина в том, что в продолжение всех долгих лет он ни разу не спросил о своей родине, – страстно воскликнул Янсен, – что у него никогда не находилось времени приехать туда, где он родился, где похоронен его отец, где жили его дед и бабка. Его вина в том, что он не приехал сюда закрыть глаза старому владельцу майората. Всю свою жизнь он не думал ни об отечестве, ни о семье – пусть же и он испытает, каково человеку, когда о нем никто не вспоминает. Надеюсь, он вскоре вернется туда, откуда прибыл.

– Не думаю, – возразил Лоренц. – Одна уже передача поместий потребует его продолжительного пребывания здесь, а затем ведь всем известна воля завещателя.

Арнульф мрачно насупил брови, и его голос зазвучал сердито и глухо:

– Да, она известна мне! То, что наделал старый барон, ему и в гробу простить нельзя.

– Арнульф!

– Да, да!.. Я сказал и утверждаю это! Всю жизнь он отличался справедливостью, внучка была его любимицей, и вот с последним дыханием он продал ее человеку, ставшему врагом своей родины.

– У вас отчаянная манера выражаться, – недовольно заметил Лоренц. – Продать! Как можно говорить так, когда речь идет о союзе двух близких родственников, чтобы исполнить последнюю волю умирающего! Возможно, старый барон лелеял мысль этим браком обеспечить будущность Элеоноры и ее брата, а главное – он надеялся, что молодой красавице-жене удастся то, что не удалось ему, то есть вернуть Гельмута своим. А вы со своей грубой прямотой сейчас же все перевернете. Сразу видно, что вам недостает женского общества, что вы одиноки в своем большом доме. Вашему дому не хватает хозяйки.

– Мой дом в порядке и без хозяйки! – коротко обрезал Янсен, отворачиваясь к окну.

– Но его хозяину нисколько не повредило бы, если бы там воцарился другой порядок. Вам уже тридцать лет, Арнульф, вы один из самых богатых во всем округе и, куда бы ни постучались, отказа вам не будет. Когда же вы наконец…

– Не трудитесь, пожалуйста! – резко перебил его Янсен. – Не хочу этого! Вот и все!

Старик при такой невежливой отповеди только сердито покачал головой:

– Ну, знаете, немного потеряют наши девушки, если вы не женитесь ни на одной из них.

– Я думаю так же, – подтвердил Янсен, – значит, и горевать не о чем.

Он замолчал, потому что в соседней комнате послышались голоса и затем появились молодой человек в сопровождении девушки и Отто, который говорил с явным разочарованием:

– Так, значит, вы пришли в одно время? А я думал, Фриц Горст будет первым!

– Для тебя было бы приятнее, если бы он опередил меня на несколько сажен? – со смехом спросил Гельмут. – Нет, мой маленький братец, на этот раз капитану пришлось-таки немало поработать, борясь за первенство, и все-таки спор окончился вничью, поскольку яхты прибыли в Штрандгольм одновременно.

Барышня между тем обратилась к обоим мужчинам. С первого взгляда бросалось в глаза, что они с Отто – родные брат и сестра, сходство было поразительным: те же черты, те же темные выразительные глаза, мягкие каштановые волосы, пышными кудрями вившиеся у мальчика и роскошной косой обвившиеся вокруг головы девушки. Но в то время как Отто сиял юной жизнерадостностью, прекрасное лицо его сестры выражало серьезность и холодность, как-то негармонировавшие с ее девятнадцатилетним возрастом. Может быть, оно было следствием надетого на нее траура?

Она дружески кивнула Лоренцу и, с ласковой доверчивостью протянув руку Янсену, промолвила с упреком:

– Мы уже давно не видели вас, Арнульф! Вы были очень заняты?

– Нет, фрейлейн Элеонора, просто я боялся помешать, поскольку здесь находятся господа из Дании, – возразил он, бросая враждебный взгляд в сторону молодого барона.

Последний проявил внимание и подошел ближе.

– Арнульф Янсен, наш сосед, – представила его Элеонора. – Мой двоюродный брат, баром Мансфельд.

– Янсен… Янсен! – медленно повторил Гельмут. – При этом имени у меня в памяти воскресают картины детства. Не были ли мы в детстве товарищами?

– Возможно, господин барон, но мы оба уже давно забыли об этом, – последовал холодный ответ.

– Я – нет, – сказал Гельмут, скорее развеселившийся, чем раздосадованный его неподатливостью. – Моя память не изменяет мне в таких случаях. Она подсказывает мне, например, что уже и тогда Арнульф Янсен был упрям и непреклонен, как сегодня. Таким же вы и остались.

Трудно было найти людей более различных, чем эти двое, стоявшие рядом, и все же они были сыновьями одной страны, дети той же северной родины, белокурые и голубоглазые, истые северяне.

Гельмут фон Мансфельд – изящный и стройный – внешне выглядел как человек светский. Черты его лица, пожалуй, были слишком мягки, и с трудом верилось, чтобы эти нежные белые руки смогли управлять яхтой при таком ветре. Однако во внешности молодого помещика было что-то необыкновенно привлекательное, а недостаток мужественности компенсировался изысканной любезностью. Правда, на жизнь он смотрел, вероятно, не очень серьезно, все его существо дышало непринужденной веселостью, и потому недружелюбие бывшего сверстника нисколько не испортило ему настроения, а только развеселило его.

Арнульф Янсен был четырьмя годами старше; глаза и волосы были у него темнее, чем у молодого барона, лицо загорело от воздуха и солнца, а его жесткие, коричневые руки свидетельствовали о том, что он привык всюду работать сам. Он обладал сильной, мускулистой фигурой; и хотя его энергичные, несколько суровые черты лица нельзя было назвать красивыми, они обращали на себя внимание. Манера держать себя, как и его речь, также не соответствовала общепринятым правилам этикета. Светское обращение было ему или совсем чуждо, или неприятно. Казаться только крестьянином и никем иным составляло для него, очевидно, особую гордость, хотя речь выдавала в нем человека образованного.

– Я не разъезжал так далеко по свету, как вы, господин барон, – ответил он на последнее замечание Мансфельда. – Там – в Копенгагене, Париже и Италии – можно поучиться многому, о чем у нас здесь не имеют ни малейшего понятия.

В его тоне было что-то вызывающее, но Гельмут, похоже, не собирался с ним спорить. Он лишь пожал плечами:

– Во всяком случае, таким образом можно научиться больше, чем сидя годами в своей скорлупе.

Скрытую в словах барона насмешку и полупрезрительное пожимание плечами Арнульф принял как оскорбление и угрожающе встрепенулся.

– Скорлупа, в которой мы сидим, – наша родина! Здесь мы родились, за нее стоим крепко, защищать ее будем своей кровью и всем своим достоянием, и если бы кто захотел отнять ее у нас…

– Арнульф! – вполголоса произнесла подошедшая сзади Элеонора.

Одно ее тихое слово оказало удивительное действие на строптивого молодого человека. Он сразу оборвал свою речь и, казалось, боролся с собой, потому что продолжал уже значительно мягче:

– Но ведь это только такое мнение у нас здесь, господин фон Мансфельд. Так думаю я и так думают все здесь. Но теперь – простите – мне надо поговорить с баронессой!

Кивнув слегка головой, он повернулся и направился к двери. Гельмут полунасмешливо, полусерьезно посмотрел ему вслед:

– Типичный медведь этот Янсен. Но он всегда был таким невежливым и грубым, как настоящий мужик! К тому же он силен, как медведь; кто решался на борьбу с ним, тот в следующий же миг лежал на земле.

– У Арнульфа Янсена в жилах кровь фризов, – спокойно разъяснила Элеонора. – У него и недостатки, и достоинства своего племени. На первый взгляд, такие характеры кажутся иногда суровыми и жестокими, и подчас они действительно такие, но зато выдерживают всякую непогоду, и никакая буря не заставит их отступить с места, которое они захотят удержать за собой.

– И этот серый герой неимоверно импонирует моей кузине, – насмешливо воскликнул Гельмут. – Вообще он, видимо, занимает особое место в замке и считает себя здесь на равных со всеми.

– Он – друг нашего дома.

– Мужик?

Вопрос звучал так же удивленно, как и презрительно. Глаза Элеоноры внезапно вспыхнули, и она ответила с ударением:

– Да, мужик!

– Который спас нам отца, когда он, тяжело раненный, упал в бою, решившем судьбу нашей страны[1], – стремительно вступился Отто. – Тогда Арнульф, еще шестнадцатилетний мальчик, своим телом прикрыл полковника под жестким огненным дождем, вынес его из сражения, а затем спас от преследования и укрыл в безопасности у своих. Разве ты не знаешь этого, Гельмут?

– Ах, так, значит, он – спаситель дяди Вальдова? – легкомысленно сказал молодой барон. – Совершенно верно, теперь я вспоминаю это обстоятельство. Но я уже давно забыл его. Да кто же в состоянии удержать в памяти все эти семейные предания? Так вот откуда преклонение Элеоноры перед этим героем, который, очевидно, совершенно затмил меня в ее глазах. Если бы он не был мужиком, кто знает, дело могло бы быть гораздо опаснее.

Он громко рассмеялся своей остроте, лукаво взглянув на кузину. Но его взгляд встретился с холодным взором и так же холодно прозвучал ответ Элеоноры:

– Мы говорили о нашем покойном отце, Гельмут, и о несчастной судьбе нашей родины!

– Ах, Господи, конечно, но нельзя же все время говорить лишь о серьезном! – нетерпеливо воскликнул Гельмут и повернулся к дверям, куда в это время входили остальные участники состязания.

– А вот и опоздавшие! – закричал Отто, но теперь его голос звучал по-другому, гораздо сердечнее, чем когда он приветствовал своего двоюродного брата.

Капитан Горст, высокая и плотная фигура которого даже в штатском платье выдавала военного, был уже далеко не юноша – ему можно было дать лет тридцать пять. Темная борода обрамляла его не столько красивое, сколько выразительное лицо. Его манера и речь дышали спокойствием, которое можно было бы принять за флегматичность, не будь у него темных глаз, обычно смотревших так же спокойно и серьезно, но умевших по временам вспыхивать горячей молнией.

Его спутница – нежное небольшое и миловидное существо, на вид приблизительно одних лет с Элеонорой, казалась значительно моложе ее, а две ямочки на ее розовых щечках показывали, что она – далеко не поклонница серьезности. Сейчас, правда, ее прелестное личико выражало сердитое неудовольствие, а в жесте, которым она сорвала шляпу со своей белокурой головки и бросила на первый попавшийся стул, было что-то по-детски капризное.

– Что так поздно, господа? – встретил их Гельмут. – Почему вы пристали у деревни вместо того, чтобы высадиться на террасе? Из-за этого вам пришлось сделать огромный крюк по парку.

Капитан, пожав плечами, ответил:

– По величайшему повелению! Так пожелала фрейлейн.

– Я ни минуты дольше не хотела оставаться на этой яхте, – решительно объявила молодая девушка. – С меня вполне достаточно прогулки при такой ужасной погоде.

– Погода превосходная, – спокойно возразил Горст. – Небольшое волнение и ветерок, лучше которого нельзя желать для прогулки под парусами.

---

[1] Автор упоминает здесь о прусско-датской войне. Шлезвиг-Голштиния – первоначально самостоятельные германские герцогства – в XV в. вынуждена была принять личную унию с Данией: датские короли одновременно были и герцогами шлезвиг-голштинскими. Затем Дания мало-помалу отобрала от герцогства все их права и вольности и постепенно обратила в датские провинции. Голштинцы не могли мириться с таким положением вещей, в герцогствах рос антагонизм против поработителей-датчан, в конце 50-х годов XIX столетия вылившийся в открытую революцию. Последняя была подавлена, но недовольство и брожение только усилились. Эта глухая ненависть к датчанам проходит красной нитью через всю повесть автора и многое объясняет в ней. В шестидесятых годах снова поднялась борьба между Шлезвиг-Голштинией и Данией; в дело вмешалась Пруссия, и вспыхнула прусско-датская война, закончившаяся присоединением Шлезвиг-Голштинии к Дании.

– И брызг, от которых я промокла до костей! При этом наша яхта летела по волнам с такой стремительностью, что я потеряла способность видеть и слышать, а вы, сидя на руле, хохотали над моим страхом. Я не понимаю, как вы могли предложить мне такую прогулку.

– Я? Да я же вас, дорогая моя, изо всех сил убеждал не ехать вместе. Вы настояли на своем.

– Я не могла знать, что море так бурно, – последовал нетерпеливый ответ.

– Это нетрудно было заметить с берега.

– Вы в немилости, капитан, – смеясь, промолвил Гельмут. – Здесь вам защиты ждать нечего, просите скорее прощения.

Но Горст, казалось, не был расположен последовать этому совету, да и едва ли ему легко было получить прощение, потому что девушка со всеми признаками дурного расположения духа бросилась в кресло и сделала такое недовольное лицо, словно поссорилась со всем светом.

– Мы хотели попробовать новый рояль, который я выписал, – сказал Гельмут. – Он поставлен в зале, и я надеюсь доказать моей сердитой кузине, что в этой области я нисколько не уступаю ей.

– Я никогда не сомневалась в твоих светских талантах, – холодно промолвила Элеонора. – Ты пойдешь с нами, Ева?

Фон Бернсгольм откинула назад голову и закрыла глаза.

– Нет, от этой ужасной поездки у меня разболелась голова, и мне необходим полный покой.

– Вот видите, капитан, мы все должны искупать ваши прегрешения, – пошутил барон Мансфельд. – Но Отто пойдет с нами, я попрошу освободить его от латинского урока. Не правда ли, господин Лоренц, ведь вы отпустите его?

Старик-воспитатель вовсе не слушал разговора. Найдя какую-то интересную книгу, он так углубился в нее, что теперь не знал, о чем идет речь.

– Что вам угодно, барон? – спросил он.

– Да я хотел просить вас отпустить с нами моего братца. Предоставьте ему немного свободы: мальчика нельзя переутомлять.

Лоренц покачал головой, но ничего не ответил. Отто с большим неудовольствием отнесся к просьбе, высказанной таким образом.

– Я запрещаю тебе этот тон, Гельмут! Ты все время обращаешься со мной, как с ребенком. Если ты не прекратишь этого…

– Так ты вызовешь меня на дуэль? – насмешливо спросил Гельмут. – Ну, это мы сделаем потом. В твоем возрасте еще не дерутся на пистолетах, а просто вызывают воспитателя и просят его разложить своего воспитанника на школьном столе и всыпать ему порцию «горячих». О, не делай такого свирепого лица, любезный братец! Пойдем, пойдем!

С этими словами барон схватил юношу за руку и увлек за собой.

Несмотря на легкомысленную насмешливость, в его обращении было столько очаровательной обходительности и радушия, что даже Отто перестал сердиться и дал увести себя, а Элеонора и Лоренц последовали за ними.

Капитан Горст намеревался сначала сделать то же самое, но затем внезапно изменил решение: у самой двери повернул обратно и подошел к креслу, в котором по-прежнему полулежала Ева. В продолжение нескольких секунд он, молча, нагнувшись, смотрел на белокурую головку с закрытыми глазами, покоившуюся на подушке, а затем промолвил вполголоса:

– Итак, я в немилости?

Изумленная Ева сердито подняла голову.

– Вы еще здесь? Мне казалось, что вы хотели идти с остальными слушать рояль?

– Нет, я предпочитаю ваше общество.

– Мое? Разве вы не слыхали, что у меня болит голова и мне необходим покой?

– Вы просто не в духе, моя милая барышня, – уверенно-спокойно ответил Горст.

– Ну, хотя бы и так! Однако едва ли ваше присутствие сможет улучшить его!

– Я это знаю. Но так как, вероятно, мы видимся последний раз…

Ева, словно испугавшись, быстро повернулась к нему.

– В последний раз?

– Ну, да! Ведь вы уже завтра намереваетесь вернуться к вашему опекуну, а я через несколько дней покину Мансфельд. Кроме того, я – солдат, а мы, несомненно, находимся накануне войны; поэтому на прощанье я хотел обратиться к вам с просьбой.

Приведенные доводы, очевидно, подействовали смягчающим образом на настроение молодой девушки; недовольное выражение у нее исчезло, и она ответила капитану довольно милостивым тоном:

– Ну, говорите!

– Я люблю вас, Ева, и прошу вашей руки! – кратко и решительно промолвил Горст.

Ева вздрогнула и смотрела на него, словно не все расслышала.

– Вы просите?..

– Вашей руки! Для вас не должно быть тайной, что я давно…

– Господин капитан, вы действительно осмеливаетесь… – с негодованием перебила его Ева.

Горст удивленно взглянул на нее…

– Почему же я не смею объясниться вам в любви?

– Объяснение в любви! Неужели это прозаическое заявление в десять слов вы действительно называете объяснением в любви?

– Вы вообще позволяете мне высказаться? Правда, романтика не в моей натуре, я привык выражаться коротко и ясно.

– Прекрасно, господин Горст, – величественно поднимаясь с места, презрительно промолвила Ева, – я также дам вам ответ в вашем стиле: «Нет»!

– Ева!

– Как вы привыкли, коротко и ясно – «нет»!

Ева снова опустилась в кресло, ожидая ухода отвергнутого жениха. Но она недостаточно оценила его настойчивость. Капитан с полным спокойствием подвинул себе стул и, сев против нее, самым дружеским тоном спросил:

– Почему же, собственно, вы не хотите выйти за меня замуж?

Этот вопрос, видимо, поверг Еву в полнейшее недоумение; вероятно, она и сама не знала почему; по крайней мере, она снова рассердилась и холодно произнесла:

– Мне кажется, я имею право отклонить ваше предложение!

– А я имею право узнать, почему мне отказано!

Ева задумалась. Наконец, она нашла подходящий довод и с торжеством преподнесла его упрямому жениху:

– Вы – пруссак, а я ненавижу пруссаков!

– Это исчезнет само собой, раз вы сделаетесь женой пруссака, – возразил Горст.

– Но вас я ненавижу в особенности.

– О, это совершенно неважно, вы измените мнение, как только мы поженимся, – с полнейшим душевным спокойствием ответил невозмутимый капитан.

– Да я вовсе не собираюсь выходить за вас замуж! – гневно воскликнула Ева.

– Но я собираюсь, – поправил ее Горст.

Для девушки это было уже слишком, и она снова вскочила с кресла.

– Милостивый государь, кажется, вы серьезно сомневаетесь в моем решении; я же уверяю вас, что оно неизменно. Пожалуйста, не старайтесь переубедить меня, ваши труды напрасны. Я непреклонно остаюсь при своем «нет»!

– Это было третий раз! – сухо промолвил Горст. – Теперь я понял.

– И, надеюсь, вы отказываетесь от своего намерения?

– Никоим образом! Совершенно наоборот…

– Господин капитан! – вне себя перебила его Ева, но на этот раз Горст не дал прервать себя, а невозмутимо продолжал:

– Да, да, наоборот, так как я знаю, что причина отказа – не отвращение ко мне, а предрассудки, внешние препятствия, главным же образом влияние вашего опекуна, который ненавидит во мне пруссака и делает все возможное, чтобы оклеветать меня перед вами. Но это ему не поможет; предрассудки я сумею победить, препятствия опрокину, отобью вас у вашего опекуна и до тех пор поведу атаку против вас, пока вы свое троекратное «нет» не превратите в одно «да». Итак, во что бы то ни стало, Ева, но вы будете моей женой.

Все это было выражено с такой уверенностью, что девушка сначала не могла произнести ни слова от гнева. Наконец, она воскликнула с негодованием:

– Слыханное ли это дело! Вы считаете меня совершенно безвольным существом, которое должно подчиниться, если вы вбили себе в голову жениться на мне. Но вы ошибаетесь, у меня есть воля, очень сильная воля, и я это докажу вам. Прощайте, милостивый государь!

Она повернулась к капитану спиной и стремительно вышла из комнаты. Но Горст, похоже, решил не сердиться на прекрасного избалованного ребенка. Он не казался ни разочарованным, ни огорченным, но, посмотрев вслед убегавшей Еве, промолвил со своим обычным спокойствием:

– А все-таки я женюсь на ней!

Глава II

Богатые и обширные поместья баронов фон Мансфельд на шлезвигском берегу больше двух столетий находились в их владении, но от когда-то огромной семьи остался теперь единственный представитель. У недавно умершего владельца майората был только один сын; однако тот умер очень рано и оставил после себя молодую вдову с малолетним сыном, теперешним наследником всех родовых имений.

Сначала маленький Гельмут жил с матерью в доме деда, но вскоре молодая и еще красивая женщина вышла вторично замуж, и этот новый брачный союз пришелся не по душе ее свекру. Старый барон Мансфельд всегда принадлежал к немецкой партии, занимал в ней руководящее положение, и вот ему выпало на долю увидеть, что вдова его родного сына отдала свою руку датчанину по происхождению и по убеждениям.

Барон, конечно, не имел права помешать второму браку молодой женщины, со смерти мужа ставшей совершенно свободной, да он и не пытался сделать это, но тем настойчивее старался сохранить за собой обладание внуком и руководящую роль в его воспитании. Однако эти старания оказались напрасны. Мать ни за что не хотела расстаться со своим единственным ребенком, а будущий супруг энергично поддерживал ее в этом. Законного основания отнять у них ребенка у барона Мансфельда не было, и таким образом он вынужден был допустить, чтобы мальчик отправился с матерью в Копенгаген. Правда, ему обещали, что Гельмут будет ежегодно приезжать к нему на некоторое время, но это обещание никогда не исполнялось. Вначале приводились причины, почему нельзя прислать Гельмута, затем извинения, наконец, решительные уклонения, и, чем больше графиня Оденсборг становилась чужой семье своего первого мужа, тем дальше она держала от нее сына.

Тем не менее старый владелец майората и его жена не были одиноки на склоне своих дней, потому что два других внука уже несколько лет жили с ними. Дочь стариков по любви и с согласия родителей вышла замуж за полковника Вальдова, честного и славного офицера, правда, не обладавшего ни состоянием, ни громким именем, теперь и он, и его жена покоились в земле, и их осиротевшие дети нашли приют у дедушки. Они оставались здесь и до сих пор, когда все родовые поместья перешли к Гельмуту, единственному наследнику майората. Известие о тяжелой болезни и смерти деда молодой барон получил, находясь в Италии. Но он и не выказывал особенной поспешности вступить во владение новым имуществом. Прошли месяцы, пока он решился лично посетить свои поместья, и даже теперь приехал в сопровождении отчима.

Было утро после морской прогулки; молодой владелец майората и капитан Горст находились в комнате, выходившей на балкон, где обычно собиралась вся семья, между тем как граф Оденсборг, сидя на окне, читал газету. Высокая, просторная комната со старинной мебелью, с тяжелыми темными занавесами, старыми семейными портретами на стенах и потрескивающим огоньком в камельке представляла собой очень уютное помещение. Из окон открывался превосходный вид на море, сегодня еще более бурное, чем накануне.

Молодые люди были заняты оживленным разговором. Речь шла о том, продолжить ли сегодня морское состязание, оставшееся накануне безрезультатным. Гельмут был решительным сторонником его, между тем как Горст возражал против этого и, во всяком случае, считал необходимым исключить дам.

– Мне сдается, что вы еще не вошли в милость у Евы и не хотите окончательно потерять ее расположение, – со смехом воскликнул Гельмут. – Прекрасно, пускай Ева останется, но Элеонора не согласится. Она не боится ни волнения, ни бури, и я убежден, что она сегодня отважится поехать с нами.

– Я также не сомневаюсь в этом, – подтвердил капитан. – Вопрос в том, имеем ли мы право брать ее?

– Неужели вы боитесь моря? – насмешливо произнес молодой барон.

– Несомненно, когда дело идет о безопасности других, – последовал спокойный ответ.

– Ну, по-моему, бояться нечего! Во всяком случае сегодня мы покончим с этим делом. Как и вчера, нашей целью будет Штрандгольм, и в двенадцать часов мы тронемся в путь. Идет?

– Конечно, я буду точен. До свидания, господин граф!

Последние слова, относящиеся к графу Оденсборгу, были произнесены Горстом с некоторой церемонностью, на что последовал вежливый, хотя тоже церемонный ответ. Оденсборг ни единым звуком не принял участия в разговоре и, казалось, полностью погрузился в газету; но, едва за капитаном закрылась дверь, он отложил газету в сторону и поднялся с места.

Графу было лет под пятьдесят. С его благородной внешностью сочетались изысканные манеры, не лишенные, однако, известной холодности дипломата; его острый, ясный взгляд привык, казалось, к наблюдению, а весь его вид свидетельствовал о высокой интеллигентности. Но при этом на нем лежал отпечаток холодности, лишь изредка, когда он обращался к пасынку, уступавшей место неподдельной ласке.

– Послушай, Гельмут, разве необходимо, чтобы ты с такой любезностью обращался к этому прусскому шпиону? – спросил граф, и в его голосе прозвучала непривычная резкость.

Гельмут изумленно уставился на отчима.

– Шпиону? Да ведь он же – гость моей бабушки.

– Тем хуже, потому что это заставляет нас терпеть его в замке.

– Но, папа, ты же знаешь, что Горст – двоюродный брат моего дяди Вальдова и постоянно бывал здесь в доме. Его теперешнее пребывание здесь совершенно случайно, я готов поручиться за это.

– Возможно, хотя я не верю в подобные случайности, – холодно сказал Оденсборг. – Я только хотел обратить твое внимание на то, что в наших кругах будут очень удивлены твоими близкими отношениями с прусским офицером; ты должен иметь в виду и свое, и мое положение.

Лицо молодого барона приняло сердитое выражение – замечание, очевидно, не пришлось ему по вкусу.

– Здесь, в Мансфельде, я шага не могу ступить без того, чтобы не принять чего-либо во внимание, – с нетерпением воскликнул он. – Всюду меня удерживают, постоянно я обязан думать о своем положении. Для чего мы вообще приехали сюда и когда уедем отсюда? Я и двух недель не выдержу.

– Судя по тому, как обстоят дела, тебе, вероятно, придется пробыть здесь дольше, – спокойно ответил граф.

Молодой барон насторожился.

– Как? Разве мы не вернемся на следующей неделе в Копенгаген, как было решено раньше?

– Нет, мой сын, по-видимому, нам придется пробыть здесь несколько месяцев, может быть, даже целую зиму.

– Это невозможно, папа, ты не можешь заставить меня! – возмутился Гельмут. – Пробыть всю зиму в этой одинокой пустыне? Я не вынесу этого и умру с тоски!

– Ты, кажется, не всегда скучаешь здесь, – с легкой насмешкой возразил граф. – Например, вчера, когда я позвал тебя, ты превосходно развлекался у рояля.

– Разве я не могу ухаживать за Элеонорой? – нахмурился Гельмут. – Ведь для меня это – единственное удовольствие здесь.

– И я, наверное, не пытался бы испортить его тебе, если бы это не давало повода к неправильным выводам. Разве ты забыл последнюю волю твоего деда? Зато о ней вспомнит твоя родственница, тем более, что она открывает ей перспективы стать хозяйкой в Мансфельде.

Молодой барон только вздохнул в ответ, будто бы желая уклониться от дальнейшего разговора на эту тему.

Но Оденсборг подошел к нему и положил на его плечо свою руку:

– Мы ведь договорились с тобой, Гельмут, о том, чтобы это тяжкое условие ни под каким видом не было выполнено. Такого рода семейные решения вообще не имеют силы и ни к чему тебя не обязывают.

– Да ведь это только пожелание, выраженное дедом в его завещании.

– Чтобы обеспечить своей внучке блестящую будущность! С его точки зрения, это было бы вполне логично, но для тебя такая партия слишком неподходяща. Бедная родственница, к тому же мещанка и без всякого состояния! Ее мать в браке следовала романтическому влечению, но для дочери барона Мансфельда это очень неудачная партия.

– Полковник Вальдов отличился тогда на войне, – заметил Гельмут. – Он был одним из самых храбрых офицеров.

– Ну, да, да, – нетерпеливо промолвил граф, – я не сомневаюсь в его храбрости, однако его дети носят мещанское имя, и он оставил их совершенно без средств. Бедность и зависимость – состояния довольно неприятные, и в таком случае лучше стать хозяйкой мансфельдских имений, пусть даже и не питая ни малейшей симпатии к их владельцу.

– Ни малейшей! – с неожиданной горечью повторил молодой барон. – Элеонора достаточно ясно демонстрирует это мне!

– И это задевает тебя? – Оденсборг внимательно посмотрел на сына.

Однако тот лишь насмешливо пожал плечами:

– Меня? Нисколько!

– А это, по крайней мере, прозвучало в твоих словах. Ты избалован, Гельмут! Ты прослыл неотразимым и чувствуешь себя оскорбленным, когда твоя прекрасная кузина остается к тебе равнодушной, а что она прекрасна – этого нельзя не признать! Ты также не безразличен к ней и, может быть, теперь думаешь об этом браке совсем не так, как раньше, когда он представлялся тебе тяжелыми оковами.

– Нет, папа, я не люблю таких ледяных характеров, в которые никогда не прорывается теплый луч! – страстно воскликнул Гельмут. – Я никогда не свяжу своей судьбы с женой, холодно расчетливой, думающей только о моем богатстве и при этом не дающей себе труда скрыть от меня свое безграничное равнодушие.

Граф с довольным видом кивнул головой.

– Ну, тогда мы вполне солидарны! Но именно поэтому твое поведение не должно возбуждать никаких надежд, которые ты вынужден будешь разбить впоследствии. Вообще необходимо, чтобы ты как можно скорее объяснился со своими родственниками, чтобы всяким желаниям и планам положить конец.

– Время терпит, – уклончиво ответил Гельмут, – я хотел позже…

– Как можно скорее, а еще лучше даже сегодня! – настойчиво повторил Оденсборг. – Чем дальше ты будешь тянуть канитель, тем она станет мучительнее.

– Мне казалось, она и так довольно мучительна. Как я скажу об этом Элеоноре, не оскорбив ее?

Граф усмехнулся с опытностью светского человека.

– Тебе это кажется так трудно? Придумай какую-нибудь сказку, объясни, что твое сердце несвободно, что ты уже связан, а потому готов отказаться от счастья которое при других обстоятельствах… и так далее в том же роде! В таком объяснении не будет ничего обидного и на него не найдется никаких возражений. Обещай мне еще сегодня покончить с этим делом.

– Если ты полагаешь, – нерешительно сказал Гельмут, очевидно, привыкший подчиняться авторитету отчима. – Вот мука быть наследником Мансфельда!

– Мука, из-за которой тебе, наверное, завидуют тысячи! Решайся, Гельмут, надо, наконец, покончить с этим. Одним ударом освободись раз и навсегда. Я рассчитываю на твое обещание.

Пожав пасынку руку, граф вышел из комнаты, а молодой человек в самом скверном настроении бросился в кресло. Он видел, что отчим прав. Надо было, наконец, кончить дело. Но Гельмут не привык заниматься мучительными и неприятными вещами – об этом заботился отчим, и молодого наследника вполне устраивала такая опека, избавлявшая его от труда и неприятностей.

Теперь ему, как и всегда, был предписан план и ход действий. Он должен объяснить, что влюблен в другую и уже помолвлен с ней. Конечно, это самый лучший и удобный выход, но Гельмут не привык лгать, и мысль, что он с ложью на устах должен смотреть в глаза своей кузины, вызывала в нем в высшей степени неприятное чувство.

Он питал какой-то страх перед этими холодными и серьезными глазами, в которых постоянно видел безмолвный упрек, между тем как суровая замкнутость Элеоноры в то же время крайне оскорбляла его тщеславие. Нельзя было обращаться так с будущим супругом, из рук которого предстояло получить богатство и блеск. Элеонора, казалось, была уверена в этом и волю завещания считала непреложной.

Однако здесь едва ли требовались наставления Оденсборга, так как Гельмут уже давно решил порвать ненавистные цепи, и если красота кузины иногда и привлекала его, то тем решительнее отталкивала ее «холодная натура».

Случай, похоже, благоприятствовал его решению, так как в тот же миг в комнату вошла Элеонора. Гельмут быстро вскочил с места, но при всей своей обычной рыцарской любезности, с которой он приветствовал ее, не смог скрыть некоторого замешательства. Обменявшись приветствиями, они заговорили о посторонних вещах, но разговор вскоре затух, и никто из них не выказывал особенного желания продолжать его.

Элеонора подошла к окну, и Гельмут встал с ней рядом. Несколько минут они молча смотрели на море, на самом деле, казалось, оправдывавшее сегодня нерешительность капитана Горста. Волнение было значительно сильнее, чем накануне, волны с дикой яростью гнались друг за другом, и деревья парка с жалобным стоном склонялись под стремительными порывами ветра, обрывавшего с них последние увядшие листья.

– Вот уже и предвестники наших зимних бурь, – промолвила, наконец, Элеонора. – Поздняя очень бывает очень суровой у наших берегов; ты, может быть, еще помнишь это с детства.

– Да, тут такой климат, из-за которого нам позавидовал бы только разве какой-нибудь эскимос, – подтвердил Гельмут. – Я скорблю душой о прекрасной Италии, но, несмотря на все, эта дикая, бурная жизнь моря таит в себе что-то захватывающее; что-то притягивающее есть в этой грозной игре волн, которая каждую минуту может обернуться суровой реальностью.

Девушка быстро обернулась и изумленно взглянула на него; в ее удивленном взоре был вопрос: «Неужели ты так чувствуешь?», но он остался невысказанным.

Этот взгляд задел Гельмута, который прекрасно понял его, и, словно желая сгладить впечатление, он быстро прибавил:

– Впрочем, долго этого не выдержишь – слишком утомительно и однообразно. Вообще, это – отличительный характер здешнего ландшафта.

– Ты находишь? – холодно спросила Элеонора.

– Конечно. Я, например, не мог бы долго прожить здесь. Я только что энергично возражал, когда отец говорил о моем продолжительном пребывании здесь.

– Следовательно, ты в будущем не намерен жить в Мансфельде?

– Нет, ни за что! Я слишком много видел на свете, чтобы схоронить себя здесь, среди пустынных дюн и сиротливых болот и лесов.

Тон этих слов был бесконечно презрителен. Элеонора ничего не ответила, а только повернулась к Гельмуту спиной и опустилась на стул. Но в этом движении было что-то такое, что еще больше задело молодого барона, чем ее взгляд.

– Тебе не нравится мое замечание? – спросил он.

– Да.

– Очень жаль, но, как я уже сказал, ни в коем случае не останусь дольше в Мансфельде.

Наступила короткая пауза, затем заговорила Элеонора; ее голос звучал спокойно и уверенно, как обычно.

– В таком случае нам необходимо в течение твоего пребывания здесь договориться об одном деле, которого никто из нас еще не касался до сих пор.

Гельмут опешил. Неужели она сама хотела начать разговор на эту щекотливую тему? Невозможно!

– Что ты хочешь сказать? – нерешительно спросил он.

– Я хочу сказать о том пункте завещания дедушки, который касается нас обоих.

– Нас обоих? Да, действительно! – медленно повторил барон.

Все яснее ясного, но, чем больше такая направленность разговора соответствовала намерениям Гельмута, тем мучительнее это становилось для него. Элеонора, очевидно, не чувствована этого, так как продолжала тем же спокойным тоном:

– Мне известны побудительные причины дедушки: он хотел видеть меня некогда хозяйкой дома, в котором родилась моя мать, а тебя надеялся этим союзом крепче привязать к родине.

На губах Гельмута играла полупрезрительная улыбка, но он ответил с предупредительной вежливостью:

– И этот союз стал бы величайшим счастьем моей жизни…

– Тогда мне очень жаль, что я не могу дать тебе это счастье, – перебила его девушка тем ледяным тоном, который Мансфельд слишком часто слышал из ее уст.

Он невольно отступил назад и в безмолвном изумлении уставился на нее.

– Как?

– Для меня невозможно выполнить волю завещания, – с прежней уверенностью повторила Элеонора.

Гельмут кусал губы.

– Вот как? К этому я, честно говоря, вовсе не подготовлен.

Он отвернулся и перешел к окну. В нем боролись различные чувства: он был посрамлен, унижен, пристыжен. Как глубоко он заблуждался! Вместе с графом Оденсборгом он старался разорвать узы, которых в действительности не существовало; с самого начала было решено отвергнуть его!

Прошло несколько секунд в томительном молчании.

– Ты обиделся, Гельмут? – спросила, наконец, Элеонора вполголоса.

– По крайней мере, я не думал о таком неприятном впечатлении от моей особы, – ответил он, не оборачиваясь.

– Или, вернее, ты не предполагал, что можно вообще отвергнуть руку владельца Мансфельда?

– Ты ошибаешься, Элеонора, я…

– Ах, не трудись, пожалуйста, говорить неправду! – перебила его девушка. – Из твоей преувеличенной вежливости и из снисхождения графа Оденсборга я слишком хорошо чувствовала, какое непомерное счастье должен был бы принести этот брак мне, бедной сироте. Вы оба, вероятно, не считали возможным, что она добровольно откажется от этого счастья. Мне

больно, что я должна идти против воли дедушки, но принуждать меня он не намеревался: он слишком сильно любил меня.

При последних словах Гельмут быстро обернулся, и в его глазах сверкнул гнев:

– Следовательно, это значит, что у тебя решительное отвращение ко мне?

– Это значит только то, что мы слишком различны, чтобы составить друг другу счастье.

– Неужели ты открыла это всего за какую-то неделю? Ведь мы так мало времени знаем друг друга.

– Этого времени оказалось достаточно, чтобы показать мне, как глубоко расходятся наши мысли и чувства. Ты презираешь наши леса и болота, и тем не менее это – твоя родина, где ты появился на свет, откуда родом твой отец, где в течение столетий коренится твой род. В наших болотах живет народ, которого вы не покорили своими притеснениями и никогда не покорите, в шелесте наших лесов веет память о минувших величии и могуществе, которые, правда, исчезли, но не забыты. Тебе скучно смотреть на море, потому что ты не понимаешь языка волн, катящихся к нашим берегам. Для нас это – родные звуки, и они никогда не забудутся нами в жизни, где бы мы ни были; они всегда неудержимо влекут нас к нашим лесам и берегам. Тебя они, конечно, никогда не трогали там, для тебя здесь все мертво и безмолвно – ведь родину ты давно забыл и потерял!

Вначале Элеонора говорила спокойно, по крайней мере, старалась говорить, но предмет разговора невольно увлек ее – все более возбужденной, все более взволнованной становилась ее речь, пока, наконец, в полном самозабвении она не бросила двоюродному брату в лицо страстного упрека.

Гельмут не делал никакой попытки перебить ее: молча, с нахмуренным лбом и крепко сжатыми губами слушал он горькие истины, которые впервые говорились ему, избалованному наследнику, но при этом взор его не отрывался от девушки, с высоко поднятой головой и горящими глазами, стоявшей пред ним. Неужели это та самая холодная, ледяная натура, в которой никогда не было заметно ни одного теплого луча? Она раскрылась перед ним сегодня в таком виде, какого он никогда не подозревал в ней.

– Я не знал, что ты тоже способна мечтать; мне ты никогда не признавалась в этом, – промолвил он, наконец, таким тоном, в который хотел вложить насмешку, но в котором явственно прозвучало глубокое разочарование.

Это, казалось, напомнило Элеоноре, как далеко она зашла. Она глубоко вздохнула, стараясь подавить волнение, и с неожиданной горечью промолвила:

– Для тебя это послужило бы только поводом к насмешке, как все другое. Мы никогда не поймем друг друга. От своего мужа я требую больше, чем блеск и богатство, а всего остального ты никогда не дал бы мне!

Молодой барон вздрогнул, сжав кулаки.

– Ты очень откровенна!

– Только правдива, Гельмут! А там, где дело идет о жизни и будущем, необходимо быть правдивым, даже в ущерб вежливости. Я была правдива по отношению к тебе, я не могла иначе.

Казалось, она ждала какого-то возражения, но его не последовало. Гельмут не отвечал; он долго оставался в той же позе, когда давно уже был один. В тишине отчетливо слышалось гудение моря, с глухим шумом разбивавшегося о прибрежные скалы. Старые родные голоса моря звучали то грозно, то ласково.

Глава III

Граф Оденсборг между тем имел продолжительный разговор с управляющим; он выслушивал отчеты, отдавал распоряжения и приказания, словно был хозяином майората. Сам Гельмут нисколько не заботился о таких скучных и неприятных вещах и не проявлял ни малейшего желания познакомиться ближе с положением дел в своих имениях.

Выйдя из своей комнаты, граф встретился на лестнице с баронессой Мансфельд, бывшей хозяйкой замка, возвращавшейся из парка, где она гуляла, несмотря на бурную погоду. Семидесятилетняя старушка отличалась когда-то замечательной красотой – это видно было еще и теперь; ее внучка Элеонора поразительно походила на нее. Теперь под черным креповым вдовьим чепчиком сверкавшие серебром волосы и лицо выдавали годы баронессы, но ее стан еще не согнулся, а светлые, ясные глаза выражали несокрушимую свежесть души и тела.

Молодой владелец майората до сих пор еще смотрел на себя как на гостя бабушки, и делал это тем непринужденнее, чем меньше намеревался пробыть здесь. Казалось, все молча условились не касаться в разговоре щекотливого пункта. Гельмут вообще был очень равнодушен ко всему, с обычным легкомыслием и насмешливостью относясь к различиям в мнениях.

Зато тем лучше умел заставить считаться со своей точкой зрения граф Оденсборг, хотя он никогда не защищал ее открыто. Холодный знатный дипломат, словно стена, стоял между бабушкой и внуком, искусно препятствуя всякому их сближению. Старой баронессе он не оставлял ни малейших сомнений в том, что считает своего пасынка исключительно своим достоянием и вовсе не склонен терпеть здесь чье бы то ни было постороннее влияние, но все это делалось в самой вежливой форме. И теперь он с исключительным вниманием поздоровался с почтенной старушкой и присоединился к ней.

Они вошли в комнату с балконом, где еще находился Гельмут. Скрестив на груди руки, он шагал взад и вперед; и на его обычно ясном челе залегла глубокая складка. При появлении бабушки он поднял голову и поспешил к ней навстречу.

– А ведь я еще не видел тебя сегодня, бабушка, – целуя руку и как бы извиняясь, промолвил он.

– Нет, Гельмут, обычно ты приходил ко мне здороваться после завтрака на несколько минут, но сегодня я напрасно ждала тебя.

Этот, хотя и очень мягкий, упрек, по-видимому, поверг молодого барона в немалое смущение. Он взглянул на графа.

– Я хотел прийти и сегодня, но папа…

– Я посоветовал Гельмуту не беспокоить вас, – вмешался Оденсборг. – Случайно я услыхал, что вы ждете Арнульфа Янсена, а так как тогда у вас, вероятно, обсуждались бы такие важные вопросы, что всякая помеха была бы нежелательна…

– Исключительно мои частные дела, граф, – совершенно спокойно произнесла баронесса. – Кроме того, я жду Янсена не раньше как через час. Он обещал мне помочь советом и содействием в устройстве Викстедта, потому что мне придется самой управлять им, когда я перееду туда.

– В Викстедт? – озадаченно спросил Гельмут. – Ты хочешь покинуть замок?

– Конечно! Ты ведь знаешь, твой дедушка оставил мне в наследство маленькое имение.

– Да, но только для проформы, потому что Мансфельд – майорат. Ведь дедушка никогда не думал, что ты покинешь место, где являешься хозяйкой уже полвека.

– Я была ею, – серьезно сказала баронесса, – а теперь хозяин – ты.

– Это ничего не меняет. Неужели в доме внука ты будешь считать себя чужой?

– Но мой внук стал чужим для меня за долгие годы, которые провел вдали от меня.

На этот раз в ее словах звучал не упрек, а только боль и тоска, и они не преминули произвести на молодого человека должное впечатление. Но, прежде чем он успел ответить, вмешался граф Оденсборг:

– Я чрезвычайно сожалею, баронесса, что нельзя было чаще присылать вам Гельмута, как вы желали. Мы много путешествовали, затем смерть моей жены, затем учение Гельмута, просто не представлялось возможности.

Старая баронесса взглянула прямо в лицо графу:

– Даже и тогда, когда мой муж умирал и хотел еще раз взглянуть на внука?

– К сожалению, мы получили письмо слишком поздно, почти одновременно с известием о смерти.

– Я знаю, граф, кому обязана тем, что Гельмут не должен был возвращаться на родину, – с долго скрываемой и наконец прорвавшейся горечью ответила старушка.

– Вы несправедливы ко мне, баронесса, – с холодным раздражением возразил Оденсборг. – Вы и ваш супруг никогда не могли простить вдове вашего сына, что она отдала свою руку датчанину.

– Моя невестка была свободной в своем выборе, – сказала баронесса. – Мы стремились только к ребенку нашего сына, которого вы так решительно отдаляли от нас.

Оденсборг пожал плечами.

– Я сохранял сына матери! Она имела на него большие права.

– Его родина и его семья также имели на него некоторые права, но я вижу, что мы потеряли их. Следовательно, я должна переселиться в Викстедт.

Гельмут слушал этот разговор в крайнем смущении.

В первый раз открыто коснулись их взаимоотношений, и это крайне неприятно подействовало на него; однако, подойдя к бабушке, он просительно произнес:

– Бабушка, ты не должна уезжать! Это ведь будет похоже на то, что я выгоняю тебя. Я знаю, ты всей душой привязана к этим местам, где прожила всю жизнь, где у тебя сохранились самые теплые воспоминания.

– Пожалуйста, не беспокой баронессу, Гельмут, – прервал его граф. – Вероятно, у нее имеются основательные причины для такого решения.

При теплых, сердечных словах внука лицо баронессы осветилось мимолетной радостью, но эта радость быстро растаяла, когда бабушка увидела, что с вмешательством отчима Гельмут немедленно смолк, и лишь на устах ее скользнула страдальческая улыбка.

– Ты видишь, относительно моего отъезда мы вполне согласны с графом Оденсборгом. Я на будущей неделе уезжаю из Мансфельда.

– Если уж ты так непременно хочешь, – неуверенно промолвил Гельмут, – но мне это очень больно, бабушка!

– И мне также, дитя мое, однако я только подчиняюсь необходимости, а тебе, во всяком случае, перенести ее легче, чем мне.

Кивнув головой ему и графу, она вышла из комнаты.

Молодой барон не пытался больше удерживать ее, но лицо его выражало неудовольствие, когда он после ухода бабушки обратился к отцу:

– Папа, ты не должен был допускать этого.

– Да разве я выгоняю баронессу? – холодно спросил Оденсборг. – Никто не заставляет ее уезжать, и, мне кажется, ты достаточно настойчиво упрашивал ее остаться.

– Да, но…

– Но она не может примириться, что с новым хозяином приходят новые порядки, что вместе с ним на немецких традициях, которые так долго поддерживал ее супруг, ставится крест. При таком различии наших взглядов дальнейшее совместное проживание едва ли было бы при-

ятно. Надеюсь, ты сам видишь это, хотя, повинуясь невольному чувству, только что решился на просьбу, исполнение которой могло бы повергнуть нас всех в великое затруднение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.